

Позже Линь Юэюэ написала в личном приложении фэндому всего одну фразу, и почерк в ней был куда более неровным, чем обычно, словно она делала запись в состоянии тахикардии. Дословно это звучало так: Если бы кто-то сказал мне, что однажды мне придется зубами вгрызаться в печенье, зажатое во рту Су Синьхао, причем расстояние до рта Чжу Чжисиня составит меньше сантиметра, я бы заявила, что подобные сюжеты в фанфиках — это дичайший оос. Но реальность всегда куда менее здравая, чем любые фанфики.

В конце предложения она поставила три восклицательных знака, но потом сочла это поведение недостаточно сдержанным и два стерла. Оставшийся одинокий восклицательный знак застыл на конце фразы, напоминая человека, который зажал рот рукой, но всё равно сорвался на крик.

Компания запланировала съемку легкого и непринужденного контента для общего шоу: участники должны были играть в настольные игры в общежитии, устраивать челленджи с закусками и отвечать на вопросы фанатов. Подобные материалы не требовали сильной актерской игры, главным здесь было показать повседневное взаимодействие и взаимопонимание между парнями. Для Линь Юэюэ это должен был быть самый легкий график — никаких танцев и пения, нужно всего лишь сидеть на диване, болтать и уплетать снеки.

Но когда сестра Ли выложила в чат расписание, Линь Юэюэ заметила пункт под названием «парный бисквитный челлендж». Правила гласили, что двое участников должны начать откусывать одну и ту же палочку печенья с разных концов, а побеждает та пара, у которой останется самый короткий отрезок. Стоило ее глазам зацепиться за четыре символа «самый короткий отрезок», как пальцы тут же задрожали. А затем она увидела список групп. Чжу Чжисинь и Су Синьхао — первая пара.

Она сделала скриншот и переслала его Су Синьхао.

[Су Синьхао: Это ты подстроила такое распределение?]

[Линь Юэюэ: По-твоему, у меня есть полномочия что-то здесь устраивать?]

[Су Синьхао: Значит, так решила компания.]

[Су Синьхао: И что ты собираешься делать?]

[Линь Юэюэ: Отменить. Сказать, что мне плохо.]

[Линь Юэюэ: Стой-ка. Ты только что проигнорировал мое первое сообщение. Ты что, уже знал о делении на пары?]

[Су Синьхао: Сестра Ли скинула мне расписание еще вчера вечером. Я ознакомился.]

[Линь Юэюэ: Ты ознакомился и мне ничего не сказал?!]

[Су Синьхао: Я думал, ты в курсе.]

[Линь Юэюэ: Если бы я была в курсе, я бы вчера не спала так крепко!]

Су Синьхао больше ничего не ответил. Линь Юэюэ не знала, не хотел ли он отвечать или прямо в этот момент с помощью ее лица изображал нечто столь сложное, что не поддавалось описанию словами. Она склонялась ко второму варианту.

Съемки начались в два часа дня. Сотрудники установили в гостиной общежития свет и камеры, а журнальный столик заставили всякой всячиной: чипсами, печеньем, мармеладом, шоколадными батончиками, а также только что привезенными из доставки закусками. Среди них выделялась корочка блестящего от масла жареного тофу, обильно посыпанная зирой и перцем чили — аппетитный аромат заполнил всю гостиную еще до того, как включили камеры.

Линь Юэюэ сидела с левого края дивана — это было привычное место Су Синьхао. Чжу Чжисинь расположился рядом с ней, оставив между ними промежуток шириной в половину диванной подушки. Чжан Цзи, Чжан Цзэюй и Цзо Хан заняли остальные участки дивана, и впятером они теснились на предмете мебели, изначально рассчитанном максимум на четверых, создавая тесную и уютную атмосферу.

Ведущий объявил начало. Первые два этапа — ответы на вопросы фанатов и настольная игра — прошли относительно безопасно. Линь Юэюэ действовала по шпаргалке от Су Синьхао, справляясь со всем подряд, а когда попадались чересчур каверзные вопросы, переводила стрелки с помощью универсальных фраз. Чжу Чжисинь естественно подыгрывал ей рядом, прикрыв ее от опасного вопроса о том, кого из участников она любит больше всего.

Затем ведущий объявил о переходе к этапу с закусками. Первым пунктом шел тот самый парный бисквитный челлендж. Сотрудник передал коробку с палочками печенья, Чжу Чжисинь вытянул одну и покрутил в пальцах. Он повернулся к Линь Юэюэ, с совершенно обычным выражением лица и небрежным тоном произнес:

— Погнали.

Линь Юэюэ уставилась на эту палочку. Длина около двенадцати сантиметров, диаметр меньше сантиметра, округлые концы и ровная середина. Обычное, ни в чем не повинное и даже аппетитное на вид печенье. Но в ее глазах это была вовсе не сладость. Это был провод, соединяющий ее губы с губами Чжу Чжисиня, причем на любом из концов в любую секунду могло замкнуться и вспыхнуть пламя.

Сжав зубы, она вцепилась зубами в один конец печенья. На кончике языка слегка ощутился соленый привкус. Затем Чжу Чжисинь наклонился и взял зубами другой конец. Камера приблизилась, Чжан Цзи на заднем плане заголосил:

— О-о-о! Чжу-Су! Чжу-Су!

Чжан Цзэюй принялся отбивать ритм ладонями. Цзо Хан крикнул:

— Кто укусит короче всех, тот угощает молочным чаем!

Линь Юэюэ уже не слышала этих голосов. Она видела лишь то, как лицо Чжу Чжисиня приближается дюйм за дюймом. Печенье сокращалось. Пять сантиметров, три, два. Она чувствовала исходящий от него легкий запах кондиционера для белья — точно такой же, какой ощущала в тот день, когда была в его рубашке. Она отчетливо разглядывала линии на его губах, такие же четкие, как узоры на подушечках его пальцев. Она ощущала, как его дыхание едва уловимо касается ее носогубной впадины — теплое, отдающее мятными леденцами.

До конца печенья оставалось меньше сантиметра. Ее кончик носа почти касался его носа. Между ее губами и его губами оставалась лишь толщина последнего кусочка печенья. Ее мозг окончательно отключился, и удерживать позу удавалось лишь за счет чистых телесных инстинктов. В этот момент глаза Чжу Чжисиня чуть сощурились — не уголки рта, а именно глаза, с тем еле уловимым, мелькнувшим на мгновение в глубине зрачков смешинкой. А затем он первым откусил печенье и отстранился. Четко, решительно, без единого лишнего движения.

— Так-так, хватит, достаточно коротко! — с улыбкой скомандовал ведущий.

Чжан Цзи свистнул, Чжан Цзэюй бросил:

— Эта дистанция побила рекорд, — а Цзо Хан уже доставал телефон, готовясь сфотографировать.

Чжу Чжисинь жевал печенье с абсолютно привычным выражением лица, взял со стола стакан с водой и сделал глоток.

Затем он повернулся к Линь Юэюэ и едва заметно шевельнул губами. Слышным лишь для них двоих голосом он бросил:

— Ты сейчас забыла подышать.

Лицо Линь Юэюэ вспыхнуло от основания шеи и поползло выше. Шея Су Синьхао, уши Су Синьхао, все лицо Су Синьхао. Опустив голову, она изобразила, будто подавилась печеньем, прикрыла рот рукой Су Синьхао и мысленно приравняла три иероглифа имени Чжу Чжисиня к предупреждающей табличке «Опасный предмет, держитесь подальше».

Вслед за бисквитным челленджем наступило время свободной дегустации. Сотрудники пододвинули к центру стола привезенную доставку из жареного тофу, и ведущий объявил, что это «обязательное блюдо в общезитии», рекомендованное фанатами, предлагая всем перекусить и поболтать. При виде тофу глаза Линь Юэюэ заблестели. Она обожала жареный тофу. Будучи уроженкой Тяньцзиня, она выросла на нем, и эта страсть к подобной еде была вбита в ее ДНК. Она распаковала бесчисленное количество доставок с тофу в общезитии, и порой, засиживаясь за просмотром контента с пэйрингами глубокой за полночь, миска

жареного тофу служила для нее духовной пищей.

Но сейчас она была Су Синьхао. Су Синьхао придерживался вегетарианства, хотя и не отвергал продукты из сои. Линь Юэюэ быстро пролистала в памяти список пищевых табу Су Синьхао — тофу туда не входил. Значит, ей можно. Она подцепила палочками кусочек тофу и отправила в рот. Во рту взорвался аромат зиры, а легкая острота перца чили как раз вовремя щекотала рецепторы. До чего же вкусно.

Она не удержалась и издала довольный вздох. И тут же заметила, что вся гостиная затихла. Все смотрели на нее. Палочки Чжан Цзи зависли в воздухе, рот Чжан Цзэюя округлился буквой О, а выражение лица Цзо Хана балансировало между шоком и злорадством.

— Су Синьхао, — в голосе Чжан Цзи звучало возбуждение первооткрывателя, — ты же вроде раньше говорил, что тофу слишком жирный и ты его не ешь?

Палочки Линь Юэюэ застыли возле рта.

Дрянь дело. Су Синьхао не ест тофу. Не то чтобы нельзя, просто не ест. Из-за жирности, из-за того, что это не вписывается в стандарты его диеты. Он даже к жареному во фритюре не притрагивается, с чего бы ему есть такую блестящую от масла дрянь, как жареный тофу? А она мало того, что только что съела его, так еще и издала исполненный глубочайшего душевного удовлетворения вздох. Этот вздох принадлежал Линь Юэюэ, а не Су Синьхао.

— Я... — ее мозг заработал на предельных оборотах. — Мои вкусы в последнее время изменились.

— Изменились? — Чжан Цзи приподнял бровь, явно не веря услышанному. — Ты, человек, который шарахается от жареного, вдруг начал уплетать жареный тофу?

— После удара головой вкусы имеют свойство меняться. — Линь Юэюэ вытащила универсальный аргумент, настоятельно рекомендуя роман «Когда фанатка пэйринга вселяется в кумира»! И одновременно с этим отчаянно зашарила глазами в поисках Чжу Чжисиня.

Он сидел рядом с ней, как раз подцепляя палочками кусочек тофу, с совершенно спокойными движениями и непринужденным видом.

Затем он произнес фразу — негромко, но так, чтобы все присутствующие ее услышали:

— В прошлый раз я заказал тофу, и он тоже съел полкоробки. Вы просто не замечали.

Он отправил кусочек в рот, пожевал, проглотил, а затем повернулся к Линь Юэюэ, обращаясь к ней так небрежно, будто они обсуждали погоду:

— Это место готовит хуже, чем то, в прошлый раз. В следующий раз вернемся к прежней

доставке.

Лицо Чжан Цзи из возбужденного превратилось в недоверчивое, а из недоверчивого — в выражение «ладно, делайте что хотите». Чжан Цзэюй уже вернулся к своей еде. Цзо Хан пробурчал под нос: «Когда это вы вдвоем успевали заказывать доставку тайком и не звать нас», но допытываться не стал. Кризис миновал.

Линь Юэюэ опустила голову и продолжила есть тофу, на этот раз действуя куда осторожнее: она следила за тем, чтобы на лице не отражалось слишком сильное удовольствие, а скорость жевания соответствовала стандартному ритму Су Синьхао. Мысленно она записала на счет Чжу Чжисиня новый долг — он снова вытащил ее из неловкого положения. Причем делал это так ненавязчиво: не оправдывал ее, не переводил тему, а одним кажущимся совершенно случайным действием бесшумно вытянул из эпицентра подозрений. Точно так же, как то утро с пригоревшим омлетом, как те перебитые реплики во время интервью, как этот кусочек тофу, который он только что закинул в рот — заявив «в прошлый раз он съел полкоробки», он добровольно записал себя в соучастники «тайного поедания тофу». Даже если бы Чжан Цзи вздумал докапываться дальше, под удар попала бы не она одна.

Линь Юэюэ закинула в рот еще один кусок тофу, бросив взгляд исподлобья на профиль Чжу Чжисиня. Он обсуждал с Чжан Цзэюем правила следующей игры, а его левая рука покоилась на спинке дивана. И это место — как раз за ее спиной. Не объятия, не захват, просто легкое прикосновение, но расстояние оказалось настолько близким, что стоило ей чуть отклониться назад, и ее плечо коснулось бы его руки. словно невидимый барьер, шептавший ей: ты можешь расслабиться, я сзади.

Остальные на диване продолжили делить закуски. Чжан Цзи и Чжан Цзэюй сцепились из-за последнего чипса, Цзо Хан рядом снимал видео для друзей в соцсетях. Ведущий объявлял следующий конкурс, съемочная группа меняла ракурсы. И в те несколько секунд, пока все были отвлечены, рука Чжу Чжисиня со спинки дивана опустилась на плечо Линь Юэюэ. Это не было официальным рабочим закидыванием рук для камер. Куда более непринужденное, повседневное — в стиле приятельского мужского приветствия, когда рука ложится на правое плечо, совсем легко, а предплечье касается затылка, сохраняя остаточное тепло после репетиции.

— Сыграно неплохо, — негромко бросил он голосом, предназначенным только для двоих.

В его тоне не было ни насмешки, ни подвоха, лишь трудноописуемое одобрение.

Тело Линь Юэюэ оцепенело секунд на три десятых, после чего она заставила себя расслабиться. Он — Чжу Чжисинь, партнер Су Синьхао по группе, для участников вполне нормально закидывать руки друг другу на плечи, не нужно искать скрытый смысл, не нужно искать скрытый смысл, не нужно... Его большой палец легко дважды похлопал ее по лопатке. Дважды. Ровно столько, сколько нужно. словно точка в предложении. Никаких слов, никаких объяснений — простое донельзя, почти незаметное движение. Но Линь Юэюэ знала: эти два хлопка означали «сегодня ты отлично справляешься, я здесь, можешь не переживать».

Она опустила голову, спрятав глаза за челкой. А затем совершила то, о чем мечтала бесчисленное количество раз за два года фандома и чего никак не ожидала от реальности — она легко прислонила голову к плечу Чжу Чжисиня. Не всей тяжестью, лишь под небольшим углом, так, чтобы макушка коснулась его плечевой впадины. Всего на секунду. А потом тут же приподняла голову, делая вид, будто просто поправляла осанку, и продолжила жевать.

Но рука Чжу Чжисиня так и осталась лежать у нее на плече.

После окончания съемок Линь Юэюэ вернулась в комнату Су Синьхао, закрыла дверь и сползла по полотну на пол. Достав телефон, она отправила Су Синьхао отчет о сегодняшнем дне. На этот раз без колебаний, правок и стирания текста.

[Су Синьхао: Сегодня снимали общее шоу. Бисквитный челлендж: я и Чжу Чжисинь кусали одну палочку, расстояние было таким коротким, что носы чуть не соприкоснулись. Он сказал, что я забыл подышать. Потом на этапе с закусками меня спалил Чжан Цзи за слишком аппетитным поеданием тофу, а выручил меня Чжу Чжисинь. Дословно он сказал: «В прошлый раз я заказал тофу, и он тоже съел полкоробки». Он превратил мой косяк в наш общий секрет. А еще он обнял меня за плечи на пару секунд и дважды похлопал по лопатке.]

[Су Синьхао: Кажется, со мной что-то не так.]

[Линь Юэюэ: Говори.]

[Су Синьхао: Я перестаю понимать происходящее. Когда он меня выручал, когда обнимал за плечи, в голове крутилось вовсе не «он помогает Су Синьхао», а «он помогает мне». Но сейчас я — Су Синьхао. Значит, помогая мне, он помогает Су Синьхао. И всё же мне кажется, что это помощь лично мне.]

[Линь Юэюэ: По-твоему, в чем разница?]

[Су Синьхао: Если он помогает Су Синьхао — это товарищество. А если он помогает мне — тогда что?]

[Линь Юэюэ: А как ты сам думаешь?]

[Су Синьхао: Не знаю.]

[Линь Юэюэ: Знаешь. Просто боишься признаться.]

[Су Синьхао: С каких пор ты заговорила как психотерапевт?]

[Линь Юэюэ: Потому что я проживаю то же самое в твоём теле. Мне приходится каждый день

разбираться: Чжу Чжисинь хорошо ко мне относится, потому что я — это Су Синьхао, или потому что я — это не Су Синьхао? Я не могу разобраться. Поэтому я знаю, что ты тоже в тупике.]

[Су Синьхао: И как ты с этим справляешься?]

[Линь Юэюэ: Никак. Складываю вопросы в копилку, а когда мы вернемся в свои тела, спрошу тебя.]

[Су Синьхао: Меня?]

[Линь Юэюэ: Угу. Когда я вернусь в свое тело, а ты — в свое, я задам тебе вопрос: «Когда ты был рядом с ним, возникало ли хоть на секунду чувство, что он смотрит не на Су Синьхао, а на тебя?» Вот тогда и ответишь.]

Су Синьхао положил телефон на прикроватную тумбочку, перевернулся на бок и уткнулся лицом в цветастую подушку. От нее пахло кондиционером для белья Линь Юэюэ — иначе, чем в тот день, когда она носила его рубашку, но этот запах принадлежал чуждому ему миру. Закрыв глаза, он представил картинку, увиденную на экране телефона — его собственное тело прижалось к плечу Чжу Чжисиня. Не тело Линь Юэюэ, его собственное. Но внутри этого тела находилась Линь Юэюэ. Линь Юэюэ в его теле прижалась к плечу Чжу Чжисиня, а Чжу Чжисинь не отстранился. Более того, он не только не отстранился, но еще и дважды похлопал ее большим пальцем по лопатке. Этот жест был ему знаком. Так Чжу Чжисинь всегда утешал. Раньше, когда у Су Синьхао от боли в колене с накопленной жидкостью не получалось уснуть, Чжу Чжисинь точно так же хлопал его по спине. Но сейчас Чжу Чжисинь хлопал Линь Юэюэ. Тот же самый жест, но тому ли самому человеку?

Су Синьхао открыл глаза, нашарил на ощупь телефон и отправил Чжу Чжисиню сообщение. Никаких смайликов, никаких восклицательных знаков — только одна строка.

[Линь Юэюэ: В сегодняшнем бисквитном челлендже ты не отстранился.]

[Чжу Чжисинь: А с чего бы?]

[Линь Юэюэ: Раньше, когда другие участники в шутку предлагали вам с Су Синьхао покусать печенье, ты всегда отказывался.]

[Чжу Чжисинь: То было раньше.]

[Линь Юэюэ: Почему в этот раз всё по-другому?]

[Чжу Чжисинь: Ты и сам знаешь почему.]

Су Синьхао побелевшими пальцами сжал смартфон. Он видел, как над строкой ввода загорается и гаснет надпись: Собеседник печатает... Наконец пришло новое сообщение от Чжу Чжисиня.

[Чжу Чжисинь: Когда она вернется в свое тело, передай ей от меня кое-что. Скажи, что созданный ею Су Синьхао — лучшая версия из всех, что я видел.]

[Линь Юэюэ: Почему бы не сказать ей самому?]

[Чжу Чжисинь: Она всего лишь фанатка, но она позволила мне увидеть тебя с другой стороны. Оказывается, мягкий Су Синьхао, женская версия Су Синьхао — это неплохо.]

[Линь Юэюэ: Перестань воспринимать меня как девушку.]

<http://bllate.org/book/20903/2113183>